

XXIV.

Помнить онъ, какъ урусы начали строить каменную дорогу до Решта... Говорятъ, они потомъ вытянули ее до Тегерана. Много возилъ онъ тогда камня и щебня для этой дороги... Хорошо платили урусы...

Видѣвъ Гассанъ, какъ появились въ странѣ незнакомые чужіе люди въ высокіхъ бараньихъ шапкахъ, съ ногъ до головы обвѣшанные оружіемъ. Всѣ они двинулись вглубь страны къ Тегерану.

Говорили, что въ Иранистанѣ большой „шудукъ“¹⁾ идетъ. Смутно и нелѣпо преломлялись въ головѣ Гассана отрывки разговоровъ, которые долетали до него, когда онъ возилъ путниковъ по своей рѣкѣ... Онъ видѣлъ, что идетъ новая жизнь, совершенно не похожая на ту, въ которой родился и къ которой привыкъ.

Многія знатныя лица, которыхъ когда-то онъ перевозилъ съ такимъ подобострастіемъ, бѣжали торопливо въ Энзели и дальше въ Баку, растерянные, испуганные. Какая-то новая сила выметала ихъ изъ страны, какъ ненужный соръ. Никто не зналъ, что будетъ завтра. Купцы прекращали свои дѣла и ждали, когда наступитъ успокоеніе...

Но Гассанъ былъ спокоенъ. Онъ получалъ свои тридцать шаи²⁾ и жилъ только настоящимъ днемъ, съ его мелкими заботами и тревогами, не думая ни о чемъ другомъ, кромѣ плова, теріака и сна...

XXV.

...А какъ много урусовъ ѣдетъ теперь въ Иранистанъ. Въ прошломъ году они привезли въ Рештъ много пушекъ и войска... Странное, непонятное время... Что-то будетъ... Говорятъ, что урусы хотятъ Иранистанъ забрать... Ну и что же,—больше заработка будетъ у хамалей... Урусы всегда хорошо платятъ, несравненно больше, чѣмъ свои фарсы.

Гассану вспомнилось, какъ мѣсяца два тому назадъ онъ везъ на киржимѣ молодого уруса съ ханумъ, возвращавшихся изъ Тегерана... Они весело разговаривали, смѣялись. Ханумъ обратила

вниманіе на Гассана и что-то сказала мужу, указывая на Гассана своей маленькой рукой, обтянутой желтой перчаткой, послѣ чего урусъ внимательно и серьезно посмотрѣлъ на хамалю...

И Гассану вдругъ стало стыдно за себя, за свои трясушіяся руки, грязныя голыя ноги, за все свое, еле прикрытое рванымъ и смраднымъ рубищемъ, изъѣденное экземой, чесоткой, тѣло... Эхъ... теріаку бы немного... Когда же Гассанъ перетащилъ на пристань красивый желтый кожаный чемоданъ уруса, то онъ далъ бѣдному хамалю цѣлый кракъ... шутка ли... цѣлый кракъ!.. Гассанъ долго вертѣлъ въ рукахъ серебряную монету, прежде чѣмъ отправиться къ Мамеду выкурить трубочку теріаку.

XXVI.

Эхъ... много было прожито, а гдѣ же были радости? Кто взялъ на себя ихъ, оставивъ Гассану лишь тяжелый, безрадостный трудъ? Кто такъ безжалостно и жестоко обокралъ Гассана съ самаго дня его рожденія?.. Гассанъ застоналъ и пошевелился. Онъ даже и не замѣтилъ, что Юсуфъ и Зейналь уже вернулись и жадно ѣдятъ пловъ¹⁾, скудно приправленный соленой рыбой и кишимшомъ²⁾, горсть котораго Юсуфъ стащилъ сегодня изъ разбитагося при погрузкѣ ящика. Зейналь предложилъ Гассану плова, но не получилъ отвѣта... Навѣвшись досыта, оба хамалы полегли на грязныя цыновки... Завтра на зарѣ пойдутъ снова въ Энзели... Надо до солнца встать...

Стало темно... Душная южная ночь спустилась на землю... Мглистыя, сѣрыя испаренія поднялись отъ рѣки, отъ ея топкихъ, сырыхъ низинъ...

Зашептались о чемъ-то старомъ, таинственномъ, только имъ хорошо извѣстномъ, камыши. Вдали точно заплакалъ ребенокъ, другой. Это завывали шакалы...

Гассанъ лежалъ, вытянувшись на своемъ смрадномъ мѣшкѣ, съ открытыми, остеклѣнными глазами, лежалъ холодный, молчаливый. Онъ уже не думалъ ни о чемъ, и ему ничего не было нужно.

Изъ дневника Лушкіна.

Неизданный отрывокъ Н. Лернера.

Получилъ письмо отъ Чедаяева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мнѣ замѣнила счастье,—одного тебя можетъ любить холодная душа моя. Жалѣю, что не получилъ онъ моихъ писемъ: они его бы обрадовали. Мнѣ надобно его видѣть.

Въ С. О. напечатали одно письмо мое къ В. Л. Это меня взбѣсило; тотчасъ написалъ Гречу официальное письмо.

Вчера К. Дм. Ипсиланти сказалъ мнѣ, что Греки перешли черезъ Дунай и разбили корпусъ непріятельской.

4 мая былъ я принятъ въ масоны.

9 мая. Вотъ уже ровно годъ, какъ я оставилъ Петербургъ. Третьяго дня писалъ я къ К. Ипсиланти, съ молодымъ Французомъ, который отправляется въ Греческое войско. Вчера былъ у кн. Суццо.

Барановъ умеръ. Жаль честнаго гражданина, умнаго человѣка.

25 мая. Поутру былъ у меня Алексѣевъ. Обѣдалъ у Инзова. Послѣ обѣда пріѣхали ко мнѣ Пушкинъ, Алексѣевъ и Пестель. Потомъ былъ я въ здѣшнемъ острогѣ. НВ. Тарасъ Кириловъ. Вечеръ у Крупенскихъ.

6 іюня написалъ слѣдующую записку: Avis à Mr Deguilly, ex-officier français...

Этотъ отрывокъ — отъ словъ: „его бы обрадовали“ до конца впервые появляется въ печати. Мы воспроизводимъ его съ принадлежащей намъ старинной копіи автобиографическихъ записокъ Пушкина. Онъ представляетъ собою часть дневника, который велъ Пушкинъ въ 1821 г. въ Кишиневѣ. Подлинникъ находится въ выкупленномъ недавно нашимъ правительствомъ на средства изъ такъ называемаго „10-милліоннаго фонда“ у парижскаго комисіонера по продажѣ антикварныхъ рѣдкостей Отто (псевдонимъ — „Онѣгинъ“) собраніи рукописей Пушкина. Судя по изданной Академіей Наукъ описанію этого собранія, нашъ списокъ вполнѣ сходится съ подлинникомъ, который описанъ такъ: 1/4 листка писчей бумаги—отрывокъ изъ кишиневскаго дневника, непосредственно примыкающій къ извѣстному уже („Жалѣю, что не получилъ онъ моихъ писемъ: они“) отрывку, т. е.: „его бы обрадовали, — мнѣ надобно его видѣть“... На этомъ же листкѣ—черновикъ письма Пушкина къ Deguilly. „Жандармская помѣта 71“ („Пушкинъ и его современникъ“, вып. XII, стр. 17). На нашей копіи, конечно, нѣтъ имѣющаго въ подлинникѣ слѣда жандармскаго осмотра бумагъ, послѣдовавшаго немедленно по

смерти поэта; нѣтъ также и письма къ Deguilly, а есть только грозное обращеніе, которымъ оно начинается; впрочемъ, самое письмо давно извѣстно въ печати (оно напечатано въ книгѣ „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“ П. В. Анненкова, которому сообщилъ его бессарабскій пріятель поэта, Н. С. Алексѣевъ). Кишиневскій дневникъ Пушкина уцѣлѣлъ лишь въ двухъ листкахъ: одномъ, находящемся въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ (тетр. № 2387, л. 33), и другомъ—опубликовываемомъ нами. Судя по описанію обѣихъ рукописей (первая описана В. Е. Якушкинымъ въ „Русск. Стар.“ 1884 г., декабрь, 552), второй листокъ не только представляетъ собою продолженіе перваго, но они слѣдовали въ записной тетради поэта непосредственно другъ за другомъ; оба они изъ этой тетради (она сохранилась въ Румянцевскомъ музеѣ подъ № 2366) были вырваны, и первый листокъ былъ вложенъ въ другую, позднѣйшую тетрадь (№ 2387), въ которой находится и посейчасъ, а второй попалъ въ число тѣхъ автографовъ Пушкина, которые правительству пришлось выкупить у парижскаго торговца.

Кишиневскій дневникъ въ той его части, которая находится на первомъ листкѣ и состоитъ изъ шести замѣтокъ, извѣстенъ въ печати давно, но сталъ доступенъ читателю не сразу, а постепенно, главнымъ образомъ благодаря цензурнымъ препятствіямъ. Первые три замѣтки вошли въ посмертное изданіе сочиненій Пушкина (т. XI, стр. 199—200). Четвертая появилась въ „Библиографическихъ Запискахъ“ 1859 г. (№ 5, стр. 159); П. А. Ефремовымъ, въ его первомъ изданіи сочиненій Пушкина (т. V, 1881 г., стр. 7, 519) и В. Е. Якушкинымъ („Русск. Стар.“ 1884 г., дек., 552) были даны поправки къ ней. Пятая была напечатана Анненковымъ („Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 174), а шестая, обрывающаяся на половинѣ фразы, В. Е. Якушкинымъ („Русск. Стар.“, тамъ же). Окончаніе ея и вся остальная часть дневника печатаются впервые нами.

„Мы лѣнны и не любопытны“,—говоритъ Пушкинъ о своихъ современникахъ и имѣлъ право такъ говорить: самъ онъ былъ далеко не лѣнивъ и жадно прислушивался и присматривался къ событіямъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ. Его письма и историческія статьи, не говоря о болѣе крупныхъ работахъ, показываютъ въ немъ историка въ полномъ смыслѣ слова. Историкомъ былъ онъ и въ своей автобиографіи, за которую принимался не разъ. Его собственное „я“ сравнительно мало участвуетъ въ его автобиографическихъ попыткахъ; онъ старался и умѣлъ выдвигать на первый планъ дѣйствительно такія явленія, въ которыхъ чувствовались „нервы“ эпохи. Если дѣло не пошло у него, къ сожалѣнію, дальше попытокъ, то причиною этому, кромѣ внѣшнихъ препятствій, были строгая требовательность и широта его взглядовъ. Читая эти наброски, убѣждаешься, что Пушкинъ, когда велъ дневникъ или записывалъ свои воспоминанія, думалъ не болѣе, не менѣе, какъ объ исторіи своего времени. Мало того: при этомъ онъ копилъ запасъ наблюдений для художественной обработки. Мудрено ли, что автобио-

¹⁾ Шудукъ—смута, народное волненіе, бунтъ.

²⁾ Шай—мелкая монета, немного меньше 1 копейки.

¹⁾ Вареный рисъ, безъ масла.

²⁾ Кишимшъ—мелкій изюмъ.

графія при такой разносторонности интересовъ была для Пушкина очень серьезнымъ трудомъ? Къ нему онъ часто возвращался, несмотря на всевозможныя препятствія и остановки. Его близкіе знали объ этомъ трудѣ. „Что твои записки?“—писалъ ему однажды Рылѣевъ. Онъ самъ сообщалъ о нихъ въ 1824 и 1825 гг. брату; въ сентябрѣ 1825 г. онъ упоминалъ о нихъ въ письмѣ къ П. А. Катенину: „пишу свои mémoires, т.-е. переписываю набѣло скучную, сбивчивую черновую тетрадь“. Кн. П. А. Вяземскій интересовался ими и просилъ прислать извлеченія изъ нихъ, гдѣ говорится о Карамзинѣ. Въ теченіе почти всей своей сознательной жизни Пушкинъ неизмѣнно возвращался къ автобиографіи.

Въ 1821 году,—разсказываетъ онъ самъ, приступая къ одной изъ такихъ попытокъ:—началъ я мою біографію и нѣсколько лѣтъ сряду занимался ею. Въ концѣ 1825 г., при открытіи несчастнаго заговора, я принужденъ былъ сжечь свои тетради, которыя могли замѣшать имена многихъ, а можетъ-быть—и умножить число жертвъ. Не могу не сожалѣть о ихъ потерѣ: я въ нихъ говорилъ о людяхъ, которые послѣ сдѣлались историческими лицами. съ откровенностью дружбы или короткаго знакомства...“ Теперь Пушкинъ обѣщалъ: „буду осмотрительнѣе въ моихъ запискахъ...“

Занимающій насъ кишиневскій дневникъ—не что иное, какъ отрывочный и, благодаря сжатости, особенно цѣнный конспектъ; на основаніи его Пушкинъ обрабатывалъ свои записки, о гибели которыхъ исторія и литература не могутъ не сожалѣть. Въ той части дневника, которую выпало намъ на долю обнародовать, встрѣчаются историческія имена, упоминанія о выдающихся событіяхъ и намеки на нѣкоторые замѣчательные факты жизни самого поэта. Каждая строчка бѣлаго дневника нуждается въ комментаріяхъ, которые мы и предлагаемъ читателямъ, располагая наши поясненія во возможности въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ сами записи.

П. Я. Чаадаевъ, о которомъ говорить въ первой изъ нихъ Пушкинъ съ такою любовью,—одинъ изъ тѣхъ немногихъ, чье вліяніе на Пушкина было сильно и благотворно. Поэтъ высоко цѣнилъ эту личность: „онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Афинахъ—Периклъ“,—сказалъ Пушкинъ о Чаадаевѣ. Когда, въ 1820 г., надъ головою Пушкина собралась туча, и ему грозила административная кара, при одной мысли о которой онъ приходилъ въ ужасъ, Чаадаевъ въ критическую минуту послѣдилъ къ нему на выручку: своимъ вмѣшателствомъ онъ ослабилъ ударъ и помогъ поэту попасть изъ Петербурга на югъ, а не въ иные, менѣе теплыя, края. Отвѣтомъ на тѣ дружескія, „жестокія и несправедливыя“, укоризны Чаадаева, о которыхъ говорится въ дневникѣ (самое письмо не дошло до насъ) и было, вѣроятно, знаменитое посланіе къ нему, написанное въ апрѣлѣ 1821 г. Пушкинъ благодарно указалъ въ этомъ посланіи, чѣмъ былъ для него Чаадаевъ:

Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ;
О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою.
И чувства, можетъ-быть, спасенныя тобою!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней:
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
И тайно лизнивалъ, страдаецъ утомленный,
Въ минуту гибели надъ бездною потаенной
Ты поддержалъ меня недремлящей рукою;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубинѣ души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любви.
Терпѣнье смѣло во мнѣ рождалось вновь;
Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣлъ ненавидѣть...

Пушкинъ видѣлъ въ Чаадаевѣ не только своего заступника передъ разгнѣванною властью, но и нравственнаго спасителя. Чаадаевъ научилъ его „смѣлому терпѣнью“, внутренней гордости, умѣнию искать и находить лучшую поддержку въ себѣ самомъ. „Мнѣ надобно его видѣть“,—экзальтированно говоритъ Пушкинъ въ дневникѣ и зываетъ къ нему въ стихахъ:

О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
Когда соединимъ слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
Какъ обниму тебѣ! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель
И вѣтренной толпы безстрастный наблюдатель.
Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
Съ тобою вспоминая бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
Посмотримъ, перечтемъ, посудимъ, поборимъ,
Вольнолюбивыя надежды оживимъ,
И счастливы буду я...

„Мой Чаадаевъ“,—ласково называетъ его поэтъ въ одномъ наброскѣ. Впослѣдствіи Пушкинъ охладѣлъ къ Чаадаеву, и благотворное вліяніе этого человѣка на поэта изсякло, но Чаадаевъ до конца своихъ дней не переставалъ гордиться той ролью, которую игралъ въ жизни молодого Пушкина.

Инициалы во второй записи должны читаться такъ: „Въ „Сынѣ Отечества“ напечатали одно письмо мое къ Василию Львовичу“.

Въ началѣ января 1817 г. Пушкинъ написалъ посланіе въ стихахъ и прозѣ къ своему дядѣ В. Л. Пушкину, „старостѣ“ знаменитаго литературнаго кружка „Арзамасъ“, носившее характеръ частнаго и даже интимнаго письма. Н. И. Гречъ, издатель „Сына Отечества“, ознакомившись съ посланіемъ, самовольно напечаталъ его въ своемъ журналѣ (1821 г. ч. 68 № XI, 12 марта, стр. 178—180) съ надписью: „А. Пушкинъ“ и подъ заглавіемъ: „Дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ“. (Оно служить отвѣтомъ на письмо дяди, который говоритъ племяннику: „ты—братъ мнѣ по Аполлону“; Пушкинъ возражаетъ: „нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ не братъ,—вы дядя мой, и на Парнасъ“). Появленіе этого посланія въ печати было для Пушкина полной неожиданностью и изрядно разсердило его. Неизвѣстно, что написалъ онъ Гречу, но, очевидно, онъ намѣренъ былъ покарать печатно самовольство редактора. 21 сентября онъ спрашивалъ Греча, между прочимъ: „а скромное письмо мое насчетъ моего же письма. — видно, не лѣзетъ сквозь цензуру?“ Должно-быть, въ этомъ случаѣ провинился нескромностью и самъ дядюшка, о которомъ Пушкинъ вскорѣ (2 января 1822 г.) писалъ Вяземскому: „желаю счастья дядѣ, — я не пишу къ нему, потому что опасаясь журнальныхъ почетовъ“. На самого Греча Пушкинъ недолго сердился: въ томъ же 1821 г. онъ напечаталъ въ „Сынѣ Отечества“ цитированное выше посланіе къ Чаадаеву. Гречу, знаменитому впослѣдствіи въ качествѣ уставщика правилъ грамматики и соратника Фадѣя Булгарина, принадлежить первое упоминаніе о Пушкинѣ въ русской учебной литературѣ и одно изъ первыхъ въ критикѣ (1822 г.). Онъ отнесъ молодого Пушкина къ небольшому числу тѣхъ писателей, „которые въ изящной литературѣ нынѣшняго вѣка приобрѣли отличную славу“, и въ „Русланѣ и Людмилѣ“ отмѣтилъ „необыкновенный духъ пѣтической, воображеніе и вкусъ, которые, если обстоятельства имъ будутъ благоприятствовать, обещаютъ принести драгоценныя плоды“ („Учебная книга российской словесности“ и „Опытъ краткой исторіи русской литературы“, изд. 1822 г.) Связь Греча съ Булгаринимъ заставила Пушкина нѣсколько лѣтъ спустя отдалиться отъ него.

„4 мая былъ я принятъ въ масоны“,—эта записъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Уже давно известно призваніе Пушкина, который, выясняя своему постоянно ходатаю и совѣтнику Жуковскому свои отношенія къ правительству, писалъ въ 1826 г.: „я былъ масонъ въ кишиневской ложѣ, т.-е. въ той, за которую уничтожены въ Россіи всея ложи“. Принадлежность къ масонству Пушкинъ считалъ пятномъ на своей политической репутаціи, и Жуковскій, хлопоча о возвращеніи опальнаго поэта изъ ссылки, долженъ былъ такимъ образомъ учитывать это обстоятельство. До послѣднихъ лѣтъ о кишиневской ложѣ въ литературѣ существовали самыя краткія и темныя свѣдѣнія. 19 ноября 1821 г. начальникъ главнаго штаба при Государѣ Императорѣ, князь П. М. Волконскій, сообщилъ бессарабскому намѣстнику И. Н. Изнову, при которомъ состоялъ опальный Пушкинъ, по поводу полученныхъ правительствомъ секретныхъ свѣдѣній объ открытыхъ или открываемыхъ въ Бессарабіи масонскихъ ложахъ, къ которымъ стоить близко Пушкинъ. Высочайшее повелѣніе закрыть эти организаціи и донести Государю о поведеніи Пушкина и о занятіяхъ его въ масонскихъ ложахъ“ („Русск. Стар.“ 1883 г., дек., 654—655). 1 декабря Изновъ отвѣтилъ Волконскому, что предполагавшаяся къ открытію ложа не была имъ разрѣшена, и, слѣдовательно, Пушкинъ, о поведеніи котораго Изновъ отозвался вообще сочувственно, не могъ быть членомъ масонской ложи (тамъ же, 655). Съ теченіемъ времени изъ-подъ спуда появились архивныя данныя о кишиневской ложѣ. Вотъ къ чему они сводятся. Ложа, фигурировавшая въ общемъ списокѣ масонскихъ ложъ подъ именемъ „Овидій“, № 25“, дѣйствительно существовало въ Кишиневѣ. 7 мая 1821 г. кишиневскіе „братья“ послали въ великую ложу „Астрею“ просьбу объ утвержденіи кишиневской ложи. „Астрея“, какъ гласитъ протоколъ ея чрезвычайнаго собранія, „даровала конституцію новой ложѣ, открывающейся къ востоку въ Кишиневѣ, въ Бессарабіи, подъ отличительнымъ наименованіемъ „Овидій“, и назначила ей № 25“. Въ списокѣ ходатайствующихъ братьевъ, составленномъ 5 мая 1821 г., имени Пушкина нѣтъ, но это объясняется тѣмъ, что обращаться къ великой ложѣ могли только принятые ранѣе въ масонство и извѣстные ей „братья“, а Пушкинъ, зачисленный 4 мая, былъ принятъ, такъ сказать, предварительно, и официальное принятіе его могло послѣдовать лишь послѣ получения кишиневской ложей официального утвержденія отъ великой и ея „инсталляціи“. Противорѣчіе между показаніями Изнова, что въ Кишиневѣ ложа не открывалась, и Пушкина разрѣшается весьма просто. „Братья“ кишиневской ложи могли считать ее существующей и легально функционирующей, но юридическое бытіе не могло быть ей дано функціонеромъ отъ великой ложи упомянутого официального утвержденія,—требовалась еще „инсталляція“. Это былъ особый обрядъ, совершавшійся въ присутствіи делегатовъ отъ великой ложи, и только по совершеніи этого обряда ложа начинала существовать въ полномъ смыслѣ слова и правильно исполнять свои дѣйствія. „Астрея“ напомнила кишиневской ложѣ законъ объ инсталляціи,—что „прежде, нежели которая ложа будетъ такимъ образомъ принята, производимыя ею работы почитаются временными и остаются недействительными, если принятіе не совершится, потому что каждая ложа уже послѣ принятія своего вносится въ списокъ великой „Астреи“. Кишиневская ложа инсталляціи не подверглась

Къ 75-лѣтію дня кончины Пушкина. Пушкинъ на актѣ въ Лицеѣ декламируетъ стихи Державина.
Картина И. Е. Рѣпина.

потому, что правительство взялось въ это время за уничтоженіе всѣхъ ложъ въ Россіи (Пушкинъ преувеличиваетъ значеніе кишиневской ложки въ этихъ преслѣдованіяхъ), и съ строго-масонской точки зрѣнія какъ бы не существовала, члены ея не могли остаться масонами. Инзовъ былъ формально правъ, отрицая существованіе масонской ложки въ Бессарабіи.

Пушкинъ, который едва ли зналъ эти формальныя подробности и тонкости ритуала, искренно считалъ себя настоящимъ масономъ. Въ 1826 г. одинъ изъ бывшихъ членовъ кишиневской ложки—докторъ Шуллеръ назвалъ „Александра Пушкина“ въ числѣ ея участниковъ; это показаніе—единственный официальный слѣдъ принадлежности Пушкина къ масонству. Въ 1827 г. одинъ пріятель поэта видѣлъ у него на столѣ большую тетрадь въ черномъ кожаномъ переплетѣ, на которомъ былъ замѣтенъ полустертый масонскій треугольникъ; Пушкинъ самъ объяснилъ, что она была прежде счетной книгою масонской ложки, а теперь онъ пишетъ въ ней стихи (Л. Н. Майковъ, „Пушкинъ“, СПб., 1899, стр. 177). На московской Пушкинской выставкѣ 1880 г. фигурировали масонскіе знаки, по преданію, принадлежавшіе Пушкину: бронзовый треугольникъ съ двумя соединенными въ пожатіи руками внутри и крошечная бронзовая лопаточка съ черной деревянной ручкой („Вѣнокъ на памятникъ Пушкину“, СПб., 1880, стр. 326). У одного изъ родственниковъ Пушкина, въ Костромской губерніи, хранится до сихъ поръ какой-то масонскій значокъ, по словамъ владѣльца, принадлежавшій поэту („Нов. Время“ 1910 г. № 12454).

Какіе интересы занимали кишиневскихъ масоновъ—объ этомъ судить трудно за отсутствіемъ данныхъ. Докторъ Шуллеръ показывалъ правительству, что кишиневская ложка преслѣдовала исключительно благотворительныя цѣли, но этому показанію, данному въ тревожное время заинтересованнымъ лицомъ, вѣрить не слѣдуетъ. Тотъ страхъ, который внушало Пушкину его бывшее участіе въ ней, скорѣе показываетъ, что въ ней велись если не серьезныя дѣла, то серьезные разговоры. Просуществовала она всего нѣсколько мѣсяцевъ. 9 декабря 1821 г. состоялись ея послѣднее застаніе и закрытіе. Единственнымъ реальнымъ результатомъ ея краткаго существованія была разбитая карьера ея основателя, генерала П. С. Пуцина, которому подозрительный Александръ I не простилъ участія въ масонствѣ. Еще недавно Царь былъ покровителемъ масоновъ, но времена измѣнились... Свѣдѣнія о ложѣ „Овидій“ переданы Н. Кульменемъ („Къ исторіи масонства въ Россіи“—„Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1907 г., октябрь), В. И. Семевскимъ („Политическія и общественныя идеи декабристовъ“, СПб., 1909, стр. 313—321, 679) и П. Е. Щеголевымъ („Минувшіе годы“ 1908 г., май—іюнь, 517—520).

На отношеніяхъ Пушкина къ масонству, насколько можно судить по сохранившимся скуднымъ намекамъ, лежала печать прони. Главъ ложки, П. С. Пуцину, онъ писалъ:

Хвалю тебя, о вѣрный братъ,
О каменщикъ почтенный!
О Кшишевъ, о темный градъ!
Ликуй—имъ просвѣщенный!

Не лишне прони упомянуть въ „Гробовщикъ“ о „трехъ франмасонскихъ ударахъ въ дверь“, предшествовавшихъ появленію сапожника Шульца предъ гробовщикомъ Прохоровымъ. Масонскій ритуалъ, независимо, конечно, отъ идей и задачъ масонства, забавлялъ Пушкина. Современникъ рассказываетъ о комическомъ происшествіи съ кишиневскими „братьями“, когда они принимали въ ложу болгарскаго архимандрита, а его простодушная паства, увидя своего духовнаго отца вводимымъ подъ руки, съ завязанными глазами, въ испугъ бросилась отбивать его у воображаемыхъ злодѣевъ. Пушкина при этомъ не было, но скандалъ сейчасъ же сталъ ему извѣстенъ. („Русск. Арх.“ 1866 г., стр. 1248—1249).

„Вотъ уже ровно годъ, какъ я оставилъ Петербургъ“,—записалъ Пушкинъ 9 мая. Это не совсѣмъ точно: Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга 6 мая 1820 г.

Дальнѣйшія строки, въ которыхъ Пушкинъ упоминаетъ объ Ипсиланти, Суццо и греческомъ войскѣ, полны захватывающаго интереса и проливаютъ свѣтъ на одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ моментовъ жизни молодого поэта. Не успѣлъ онъ обжиться въ Кишиневѣ (онъ пріѣхалъ туда 21 сентября 1820 г., а въ серединѣ ноября уже уѣхалъ въ Киевскую губернію къ Раевскимъ и пробылъ тамъ до начала марта 1821 г.),—Бессарабія тѣмъ временемъ стала однимъ изъ очаговъ греческаго движенія противъ турокъ. Возстаніе въ Молдавіи и Валахіи длилось почти весь 1821 г., отъ февраля до октября, 5 марта въ Яссахъ, такъ недалеко отъ Кишинева, вспыхнула рѣзня, а 11 марта греческій патриотъ князь Александръ Ипсиланти во главѣ дружины повстанцевъ перешелъ Прутъ и поднялъ знамя возстанія. Пушкинъ взглянулъ на разгоравшееся національное греческое движеніе глазами истиннаго „Либералиста“. Отважный шагъ Ипсиланти изумлялъ всѣхъ: силы борющихся сторонъ были слишкомъ неравны, и дѣло повстанцевъ казалось заранее проиграннымъ. Но Пушкинъ вѣрилъ въ ихъ успѣхъ и страстно желалъ имъ его. „Вечеръ провелъ у Н. Г.,—читаемъ въ его дневникъ подъ 2 апрѣля.—Говорили объ А. Ипсиланти; между пятью греками я одинъ говорилъ, какъ грекъ; всѣ отчаивались въ успѣхъ предпріятія этеріи. Я твердо увѣренъ, что Греція восторжествуетъ, и 2500.000 турковъ оставятъ цвѣтущую страну Эллады законнымъ наследникамъ Гомера и Фемистокла“. Около того же времени онъ писалъ

одному изъ друзей: „восторгъ умовъ дошелъ до высочайшей степени; всѣ мысли устремлены къ одному предмету—на независимость древняго отечества. Въ Одессахъ я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища: въ лавкахъ, на улицахъ, въ трактирахъ—вездѣ собирались толпы грековъ; всѣ продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты; всѣ говорили объ Леонидѣ, объ Фемистоклѣ, всѣ шли въ войско счастливца Ипсиланти...“ Этотъ восторгъ передавался молодому поэту-энтузиасту. Онъ жадно слѣдилъ за перипетіями борьбы и даже записывалъ свои свѣдѣнія о ходѣ событій и впечатлѣнія, которые они на него производили (сохранились отрывки изъ его „Notice sur la révolution d'Ipsylanti“).

Нетрудно догадаться, о чемъ Пушкинъ, знакомый со всѣми братьями Ипсиланти, бесѣдовать съ княземъ Димитріемъ, адъютантомъ генерала Н. Н. Раевского, въ семьѣ котораго Пушкинъ былъ принятъ, какъ свой: о чемъ писалъ онъ самому вождо возстанія и зачѣмъ ходилъ къ господарю князю Михаилу Суццо. Свободолюбиваго и пылкаго поэта увлекала борьба, начатая подъ знаменемъ освобожденія угнетеннаго народа изъ вражескаго ига: манила его и самая обстановка войны. Въ августѣ 1821 г. на далекой сѣверъ до М. П. Погодина и Ф. И. Тютчева дошелъ слухъ, что Пушкинъ бѣжалъ изъ Бессарабіи къ возставшимъ грекамъ („Русск. Архивъ“ 1903 г., III, 486). Погодинъ сообщалъ объ этомъ В. Д. Корнильеву (Н. П. Барсуковъ, „Жизнь и труды Погодина“, I, 109). Весьма характерно, что нѣсколько лѣтъ спустя, когда Пушкинъ жилъ въ Михайловкомъ и подумывалъ о побѣгѣ за границу, его пріятель П. А. Плетневъ догадывался, не собластятъ ли онъ бѣжать въ Грецію („Пушкинъ и его современники“, VIII, 86). Предположеніе, что Пушкинъ дѣйствительно намѣревался вступить въ греческое войско и принять участіе въ возстаніи, далеко не невѣроятно. Можно думать, что исполненію этого плана помѣшали сами гетеристы: въ ихъ расчеты не входило впутывать въ свое дѣло челоуѣка, на котораго смотрѣло, какъ на подозрительнаго, русское правительство, а сорисить съ послѣднимъ имъ было крайне невыгодно, такъ какъ они нуждались въ его покровительствѣ, которое первоначально было имъ почти общано.

Но Пушкинъ утѣшался мыслью, что все-таки увидитъ войну съ турками. Ходили одно время слухи, что съ Турціей будетъ воевать сама Россія. Пока что, Пушкинъ жилъ впечатлѣніями текущаго дня: „въ нашей Бессарабіи въ впечатлѣніяхъ недостатку нѣтъ; здѣсь такая каша, что хуже овсянаго киселя“.—весеело писалъ онъ А. И. Тургеневу 7 мая („Русск. Библиофиль“ 1911 г., № V, стр. 16). Надежда увидѣть войну не покидала его, и хотя ссылка была ему тяжела, онъ просилъ: „если есть надежда на войну, ради Христа оставьте меня въ Бессарабіи“ (письмо къ С. И. Тургеневу 7 мая 1821 г.). Онъ мечталъ о войнѣ:

Увижу кровь, увижу праздники мести,
Засвищетъ вокругъ меня губительный свищецъ!
И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей!..

Все ново будетъ мнѣ: простая сѣнь шатра,
Огни враговъ, ихъ чуждое звычанье.
Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра
И смерти грозной ожиданье...

Но эти надежды не сбылись... Россія за грековъ не заступилась открыто, ограничившись лишь небольшою косвенною помощью. Скоро Пушкина оставило его восторженное сочувствіе этому народу, въ которомъ онъ при ближайшемъ знакомствѣ горько разочаровался,—но героическія усилія Александра Ипсиланти онъ высоко цѣнилъ и всегда защищалъ его. Послѣдствіи, разсказывавъ близко знавшій Пушкина А. О. Россетъ (Русск. Архивъ 1882 г., I, 245), „гдѣ-то на вечерѣ, гдѣ были Жуковскій, Вяземскій и другіе, зашла рѣчь о греческомъ возстаніи и объ Ипсиланти, котораго Пушкинъ защищалъ. Спорили, шумѣли, и Пушкинъ говорилъ до того умно, что Жуковскій ему сказалъ: „Ну, Пушкинъ, ты такъ уменъ, что съ тобою говорить невозможно: чувствуешь, что ты неправъ, и однако съ тобою соглашаешься“. Эти слова были неловкостью относительно другихъ собесѣдниковъ. Всѣ они это про себя почувствовали, но Пушкинъ тотчасъ же сгладилъ это впечатлѣніе, отвѣчая на слова Жуковскаго самымъ громкимъ и самымъ чистосердечнымъ хохотомъ“. Этотъ разсказъ, рисующій умъ и тактъ Пушкина, показываетъ, какъ милы ему были, несмотря ни на какія разочарованія, воспоминанія о тѣхъ дняхъ благороднаго душевнаго подъема, которые пережили онъ въ 1821 г., слѣдя за шагами „великодушнаго грека“, какъ называлъ онъ Ипсиланти, и если не дѣломъ, то сердечнымъ сочувствіемъ участвуя въ борьбѣ за свободу.

Барановъ, о которомъ Пушкинъ говоритъ съ такой похвалою, былъ таврическимъ губернаторомъ. Пушкинъ посѣтилъ его въ сентябрѣ 1820 г. въ Симферополѣ и прямо отъ него, большою личорадкой, отправился въ Бессарабію, о чемъ Барановъ писалъ общимъ друзьямъ—братьямъ Тургеневымъ („Остафьевск. архивъ“ II, 99). Александръ Николаевичъ Барановъ былъ челоуѣкъ дѣйствительно недоужинный. „Это былъ, —говоритъ современникъ (А. М. Фадѣевъ, „Воспоминанія“, ч. I, Одесса, 1897, стр. 65),—губернаторъ, какихъ я болѣе и не зналъ. Молодой челоуѣкъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ по своимъ отличнымъ качествамъ и достоинствамъ Императору Александру Павловичу, который узналъ его съ такой хорошей стороны, какъ особенно даровитаго чиновника, что, не-

Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.

Ихъ смѣлымъ подвигамъ, страхась, дивился мѣръ;

Державинъ и Петровъ героямъ пѣсьнь бряцали

Струнами громозвучныхъ лиръ.

Предъ Державинымъ воочию свершается чудо: онъ приподнимается и зорко всматривается въ молодого поэта. Когда Пушкинъ кончилъ, на глазахъ Державина блистали слезы...

Недаромъ онъ сказалъ о Пушкинѣ: „оставьте его поэтомъ“. Онъ пророчески понялъ, что этотъ мальчикъ посланъ въ мѣръ самимъ богомъ поэзіи, понялъ то, что выразилъ впоследствии съ такой опредѣленностью Гоголь: „Пушкинъ данъ былъ міру на то, чтобы доказать собою, что такое *самъ поэтъ*“...

Въ лицѣ Пушкина не ищите реального сходства. Оно, пожалуй, слишкомъ зрѣло для мальчика по шестнадцатому году. Но не въ сходствѣ дѣло, а въ томъ отблескѣ вдохновенія, который озаряетъ это лицо. И это вдохновеніе передалось старому патриарху поэзіи, и его потухающіе, усталые глаза вспыхнули, былымъ огнемъ.

Картина поражаетъ вдумчивой композиціей, силой экспрессіи, яркостью колорита. Всѣ лица, всѣ частности расположены такъ, что рѣшительно кажется—ничего нельзя перемѣнить, ничего нельзя переставить, ни прибавить, ни убавить. Большой свѣтъ изображенъ съ той умной, тонкой, чуть замѣтной ироніей, которая такъ привычна Рѣшину, когда онъ рисуетъ „сильныхъ міра сею“. Вся картина сияетъ торжественнымъ свѣтомъ. Но главное, самое прекрасное въ ней, это—то выраженіе, которое легло на лица Державина и Пушкина. Только равный имъ художникъ могъ подсмотреть и воссоздать Пушкина и Державина, обаятыхъ божественнымъ восторгомъ. „Остановись, мгновенье: ты прекрасно“,—сказалъ великій мастеръ, и оно, послушное чарамъ искусства, остановилось и замерло навѣки...

Реального портрета Пушкина Рѣшинъ не далъ, да и не думалъ дать. Но что нужно,—онъ съ непререкаемой убѣдительностью запечатлѣлъ изображеніе великой и прекрасной души на ея взлетѣ къ идеальнымъ высямъ творчества.

Н. Лернеръ.

Чарльзъ Диккенсъ.

(Съ 8 рис. на стр. 101).

26 января с. г. исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія великаго англійскаго романиста Чарльза Диккенса. Это блестящее имя навсегда вписано на страницы исторіи человѣчества, съ нимъ связаны представленіе и воспоминаніе о прекрасныхъ образахъ, о строкахъ, пронизанныхъ поэзіей, красотою художественнаго вымысла и нѣжной любовью къ человѣчеству. Диккенсъ, какъ писатель и какъ человѣкъ, былъ глубоко націоналенъ: онъ изображалъ, за немногими исключеніями (напримѣръ, „Повѣсть о двухъ городахъ“), только англійскій бытъ и англійскихъ людей, но громаднѣйшій изобразительный талантъ и потрясающая сила чувства въ его художественномъ творествѣ сдѣлали его писателемъ всемірнымъ. Нѣтъ страны въ цѣломъ свѣтѣ, гдѣ имя Диккенса и его произведенія не были бы знакомы каждому читающему человѣку. У насъ, въ Россіи, произведенія Диккенса были столь же популярны, какъ и произведенія нашихъ великихъ писателей минувшаго вѣка. Диккенсомъ у насъ увлекались одновременно съ Достоевскимъ, Тургеневымъ, Гончаровымъ. Можно съ нѣкоторой натяжкой сказать даже, что Диккенсъ составляетъ одну семью съ упомянутыми нашими классиками, такъ близки и дороги были произведенія его: „Домби“, „Копперфильдъ“, „Лавка древностей“, его чудные рождественскіе рассказы—каждому русскому читателю. Созданные Диккенсомъ типы—всѣ его безсмертны Домби, Копперфильды, Микоберы, Агнесы, Траддельсы—дороги намъ, какъ наши близкіе, какъ „свои“, какъ родные. И если современнаго читателя тяготятъ нѣкоторая расплывчатость и длиннота колоссальныхъ романовъ Диккенса, если его смущаютъ проскальзывающая мѣстами мелодраматичность и усиленіе красокъ въ ущербъ чистой художественности, то зато нѣтъ такого читателя и донинѣ, который не поддавался бы подъ обаяніе самой души каждого диккенсовскаго романа, не заражался бы искренней любовью Диккенса къ человѣчеству и къ добру и не наслаждался бы высокой поэзіей сердца и теплымъ юморомъ, которые такъ и свѣтятъ въ каждомъ произведеніи Диккенса.

Диккенсъ является создателемъ цѣлой школы новаго романа, психологическаго и гуманистическаго, и у него явилось потомъ множество послѣдователей не только въ Англии, но и въ другихъ странахъ. Укажемъ, на примѣръ, хотя бы на А. Додэ, въ произведеніяхъ котораго („Джекъ“, „Набобъ“, „Фромонъ и Рислеръ“) вліяніе Диккенса чувствуется особенно ярко. Не безъ вліянія великаго англійскаго романиста остались и многіе изъ нашихъ писателей.

Чарльзъ Диккенсъ родился 26 января 1812 года въ Портсе, предмѣстьѣ Портсмута, гдѣ отецъ его служилъ чиновникомъ морского министерства. Немного позднѣе Диккенсы переселились въ Чатамъ и Лондонъ. Рѣдко кому изъ прославившихся впоследствии писателей-художниковъ пришлось перенести такъ много всякихъ жизненныхъ невзгодъ, какъ Диккенсу. Отецъ его, изображенный въ „Копперфильдѣ“ подъ именемъ Микобера, отличался легкомысліемъ и нерасчетливостью, запутался въ долгахъ и былъ посаженъ со своей семьей въ лондонскую долговую тюрьму. Маленькаго Чарльза вмѣсто школы отдали въ заведеніе для выдѣлки ваксы, гдѣ онъ былъ обязанъ наклеивать этикетки на коробки съ ваксой. Это былъ такой тяжелый періодъ въ жизни знаменитаго писателя, что онъ потомъ, по собственному выраженію, всячески старался „набросить занавѣсъ“ на него и уже много лѣтъ спустя, будучи счастливымъ семьяниномъ и известнымъ писателемъ, не могъ безъ слезъ и внутренняго содроганія проходить по тому переулку, по которому когда-то ходилъ каждый день въ это заведеніе. Біографическія подробности объ этой эпохѣ въ жизни Диккенса можно найти на блестящихъ страницахъ „Копперфильда“, въ которомъ вообще очень много автобіографическихъ чертъ.

Будущій романистъ рѣшилъ выбиться въ жизни собственными силами. Онъ выучился стенографіи и сталъ работать въ одной лондонской газетѣ въ качествѣ парламентскаго репортера.

А почти одновременно съ репортерствомъ началась и беллетристическая дѣятельность Диккенса. Дѣтство и юность, богатые впечатлѣніями и встрѣчами, доставили ему богатый матеріалъ для художественныхъ изображеній. Въ 1833 году въ одномъ лондонскомъ журналѣ появился первый рассказъ будущаго великаго романиста: „Обѣдъ въ аллеѣ тополей“. Затѣмъ появилось еще нѣсколько такихъ рассказовъ за подписью „Боцъ“, а черезъ три года Диккенсъ собралъ ихъ въ одну книжку и выпустилъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ „Очерки Боца. Изображеніе будничной жизни и будничныхъ людей“. Эти очерки имѣли успѣхъ у читающей публики. Но настоящая крупная извѣстность и даже слава пришли къ Диккенсу позднѣе, а именно съ появленіемъ знаменитыхъ „Записокъ Пиквикскаго клуба“.

Успѣхъ этого произведенія былъ громаднѣйшій. И старъ и младъ зачитывались похождениями мистера Пиквика. Карлейль рассказываетъ, что одинъ умирающій больной уже послѣ исповѣди нашелъ въ себѣ силы, чтобы прошептать коснѣющимъ языкомъ: „Новая книжка Пиквика выйдетъ черезъ десять дней. Богъ дастъ, я все-таки доживу до тѣхъ поръ и прочту ее“.

Настоящимъ романомъ, съ разработанной интригой, былъ „Оливеръ Твистъ“, имѣвшій такой же успѣхъ, какъ и „Пиквикъ“. И съ этого времени Диккенсъ сталъ уже прославленнымъ писателемъ, произведеніями котораго зачитывался весь образованный мѣръ не только въ Англии, но и въ Европѣ. Дальнѣйшіе его романы: „Николай Никльби“, „Барнаби Руджъ“, „Домби и сынъ“, „Холодный домъ“ и другіе и, какъ вѣнецъ всего этого, незамѣнимый и еще не превзойденный въ своемъ родѣ „Давидъ Копперфильдъ“—были новыми этапами художественнаго творчества и мировой славы Диккенса...

Начавъ съ газетной дѣятельности, Диккенсъ не былъ чуждъ ей и въ пору расцвѣта своей славы. Онъ издавалъ небольшой журналъ—альманахъ „Часы мистера Гумфри“, въ которомъ помѣщалъ преимущественно собственные рассказы и романы. Затѣмъ онъ основалъ большую газету „Daily-News“, изъ состава которой онъ, впрочемъ, скоро вышелъ. А позднѣе, уже въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, онъ сталъ издавать семейный иллюстрированный журналъ „All the Year Round“. Этотъ журналъ вскорѣ сталъ однимъ изъ наиболее популярныхъ въ Англии. Диккенсъ принималъ въ немъ участіе до самой своей смерти.

Послѣдніе годы своей жизни Диккенсъ провелъ довольно необычно. Онъ ѣздилъ изъ города въ городъ и въ Англии и на континентѣ и даже въ Америкѣ и лично читалъ предъ публикой свои произведенія. Эти чтенія сопровождался повсюду колоссальнымъ успѣхомъ и давали романисту крупный деньги (онъ читалъ за плату), но расшатали его здоровье. Послѣдній разъ онъ выступалъ такимъ образомъ передъ публикой въ 1870 году и трогательно простился съ нею, такъ какъ врачи категорически запретили ему эти чтенія. Въ этомъ же году онъ скончался—9-го июня, въ Гэдсхилѣ, близъ Чатама.

Тѣло великаго романиста было погребено въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Рядомъ съ его гробомъ покоится прахъ Джонсона (знаменитаго англійскаго доктора) и трагика Гаррика, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него находятся памятники Шекспира, Чоусера и Драйдена.

Диккенсъ былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, у которыхъ слово не расходится съ дѣломъ. Онъ и въ жизни былъ такимъ же гуманистомъ, какимъ мы знаемъ его по его романамъ. Всюду, куда онъ ни прѣзжалъ, его прежде всего интересовали гуманитарныя учрежденія и та обстановка и условія, въ которыхъ живутъ бѣдные люди. Онъ посѣщалъ тюрьмы, страннопріимные дома, убѣжища и т. п. и вездѣ вносилъ то или иное доброе начало. Между прочимъ, онъ страстно агитировалъ противъ пресловутой филадельфійской системы одиночнаго заключенія, которая болѣзненно поразила его въ Америкѣ и была перенесена въ Европу.